

*Катя Саммер
& Ксюша Левина*

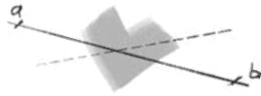
КАТЯ САММЕР
& КСЮША ЛЕВИНА

Хорошая
девочка

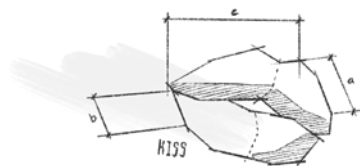
Плейлист

- Emma Peters – «Lové»
IAMJJ – «A Different Kind of Blues» (feat. Baker Grace)
Red Rosamond – «Sike»
Zoloto – «Прикоснись ко мне»
Charlotte Cardin – «Sad girl»
TERNOVOY – «Не о любви»
Thirty Seconds to Mars – «A Beautiful Lie»
(Acoustic)
Allan Rayman – «Left Alone»
Luba Hilman, Dasha Rudenok &
CHERKUNOVA – «Адреналин»
zalagasper – «Signals»
SYML – «Mr. Sandman»
UNTONE CHERNOV – «Неси меня к берегу»
Elvira T – «Пушу»
Unlike Pluto – «No Scrubs» (feat. Joanna Jones)
Бу Индия – «Вечеринка»
XOLIDAYBOY – «Плакса»
Marie Plassard – «Bah ouais»
Carla Morrison – «Disfruto»
Rozhden – «Пустьак»

Rob – «Ресницами»
Гречка – «Люби меня люби»
Nikitata – «ПРОСТО ДРУГ»
Иван Рейс – «Осторожно»
Carina Round – «Please don't stop»
ZAZ – «Je Veux»
Ёлка – «Скучаю»
Alice Merton – «Mania»
Yeah Yeah Yeahs – «Lovebomb»
Влада Богданова – «Нимфоманка»
Alex Pierce & Dan & Roz – «Запретил рассвет»
Миша Марвин – «Porn»
Cobra Starship – «Good Girls Go Bad» (feat.
Leighton Meester)
Calogero – «Danser encore»
nilu – «Are You With Me»
Carina Round – «For Everything a Reason»
Shawn Mendes – «It'll Be Okay»
Ysabè – «А я я»
REYKO – «Lose Myself»
MOT – «По душам»
МИЧЕЛЗ – «Тоже»

Глава 1

— ОКСАН...

— Роксана! — тут же поправляет подруга и пристально смотрит на меня.

Наши гляделки делятся несколько секунд, а затем я устало падаю на кровать. Голова болит, в глаза будто насыпали песка, но я сдаюсь, так как обещала Роксане, что сегодня мы вместе отдохнем, посмотрим фильм, поедим попкорн и что-то там еще по списку.

На самом деле, если бы не она, я вообще не отрывалась бы от учебы. Мне стоит ее поблагодарить. Но обычно я вспоминаю про эту ее «кинопятницу» в последний момент со стоном разочарования. Спешно заканчиваю работу и скрепя сердце закрываю ноутбук. Родители говорят, что я трудоголик и явно пошла не в них, но я-то знаю, что яблоко от яблони укатилось не так уж далеко: Ивановы-старшие регулярно забывают об отдыхе, ночуют в своей художественной мастерской, а потом встают в четыре утра и, заправившись кофе, тащатся на обрыв рисовать рассвет.

— Окей, *Роксан*, — говорю, мысленно закатив глаза, потому что в реальности не могу их открыть.

— Что смотрим? — Судя по звуку, она листает каталог фильмов. Зная ее вкус, выбирает какой-нибудь оглушающе громкий боевик с перестрелками.

Начиталась про мафию и теперь мечтает о собственном «капо»*, который будет хорошим лишь для нее одной.

— Может, что-нибудь черно-белое? — предлагаю я без особой надежды. — «Римские каникулы», например. Я кончилась.

— Лучше бы ты на ком-то...

— Фу! — обрываю ее, потому что знаю, что дальше последуют получасовые разговоры о моей несуществующей личной жизни. — Давай не будем про секс. Меня это не интересует.

Только я договариваю, как в лицо прилетает подушка, и мне приходится отбиваться.

— Ну как так? Блин, Лнька, мы же молодые и красивые! Нам по двадцать два, а не по восемьдесят! — Оксана забирается на кровать и ложится рядом, оттеснив меня к стене. Вздыхает так томно, что я со стоном приоткрываю глаза, которые раздражает свет, и подглядываю за ней. Ее черные волосы разметались по матрасу и теперь лежат вперемешку с моими светло-русыми.

Некоторое время мы молча смотрим на крошечные звездочки и неоновых бабочек, приклеенные к побеленным деревянным балкам под потолком. Когда мы с Оксаной (тогда она просила звать ее Аксиньей) устроили этот беспредел, нам было лет по тринадцать, и мы пользовались тем, что мои родители не запрещали мне устраивать творческий беспорядок в комнате.

---

* Капо, или капореджиме (от итал. caporegime), — один из представителей высшей ступени в мафии, подчиняется только боссу или его заместителю.

— Неужели тебе никто-никто не нравится? — спрашивает она снова, как будто не слышала ответ раньше. Целую сотню раз.

— Нет, — произношу устало. — Никто-никто.

— Вот не понимаю я тебя. — Оксана включает селфи-камеру и начинает рассматривать нас с прищуром профессионала. — Ты же секси! Тебе вон и губы не нужно увеличивать, и ресницы наращивать — все свое. И в спортзале не надрываешься, как я, а талия и задница что надо. А глаза свои видела? Их будто по пантону подбирали, чтобы цвет был самым голубым из голубых.

— Зато у тебя грудь больше, — пытаюсь переключить внимание на подругу, но тщетно.

— А на твою засматривались старшекурсники на физре, когда ты прыгала. Тебе даже каблуки и платья не нужны, чтобы у всех слюнки потекли...

— Ничего не имею против каблуков и платьев, если они необходимы по дресс-коду.

Или когда на улице невыносимо жарко. Не понимаю девочек, которые ходят в штанах в сорокаградусную жару.

— Ага, но в универ таскаешься в джинсах и кроссовках.

— Главное, чтобы было удобно, разве нет? —жимаю плечами. — У меня сумка тяжелая, и из-за нее постоянно задирается юбка.

— На радость парням!

— Да плевать мне на этих парней, — бормочу в который раз и, прикрыв глаза, массирую веки. — Все, о чем я могу думать, — это как попасть на хорошую практику.

— А до этого — как сдать экзамены, как написать курсовую, как поступить в универ... — перечисляет Роксана с явным осуждением. — Эх, такие данные пропадают!..

— Не в данных счастье.

— А в чем? В твердых карандашах и обрезках картона? Ладно. Я над этим поработаю, — авторитетно заявляет Оксана и, будто волшебница, достает из ниоткуда колоду карт Таро.

— Мне не нравится ни твой способ, ни твой вкус на парней, — говорю я ей, но вряд ли мое мнение имеет значение. Если Оксана Плотникова решила погадать, никто не убежит от расклада.

— Эй, а что не так с моим вкусом? — Она щурит глаза, но на меня это не действует.

— Ах, Ник! О, Ник! Я люблю Ника! — хохочу я и выставляю руки перед собой, чтобы еще раз не получить подушкой в лицо от любимой подруги.

— Ничего ты не понимаешь! — возмущается она. — Ник и правда самый классный парень из всех, кого я встречала!

Спорить с ней бесполезно, ее помешательство на представителях мужского пола (еще и не на самых лучших особях) не поддается разумному объяснению. Так же сильно, как я люблю архитектуру, она боготворит парней.

— И что же в нем классного? В твоем Нике?

Я правда пытаюсь понять, что Оксана нашла в нашем однокласснике Голицыне. Он, конечно, симпатичный, но не настолько, чтобы все, от первокурсниц до аспиранток, вешались ему на шею.

Да, он талантлив. Я помню просмотры по рисунку, где наши с ним работы стояли рядом в числе первых: моя, написанная за шестнадцать часов кропотливого труда, и его... сделанная на коленке за пару часов, в течение которых он успел поболтать со всеми подряд и трижды сбегать выпить кофе из автомата. Талантливый, но до жути безответственный! По моему мнению, таким, как этот Ник, нечего делать среди архитекторов.

— Он бьет татуировки, — говорит подруга и просит подуть на колоду. — Он веселый. У него самая лучшая в мире улыбка.

— И между вами ни-че-го общего.

— Ну это пока! — смело заявляет она. — И знаешь что? Я уверена, что он будет моим. На сто процентов. И карты так говорят, и я чувствую, а интуиция у меня отлично работает.

Видимо, не в этот раз.

— И тебе плевать, с кем он спит?

— А я не хочу ничего об этом знать! — тотчас перебивает она. — Никаких сплетен, никаких слухов — нет, нет и нет. Это мешает мне посылать сигналы в космос, понимаешь?

Если она не будет пересказывать всю информацию о Голицыне, собранную из самых разных источников, неужели я наконец перестану слышать это имя по тысяче раз на дню?

— Я поняла, что трачу слишком много ресурсов на то, что думают о Нике другие. Больше не хочу иметь дела с информацией, которую не получила из первых, — она показывает мне свои ладони, — рук. С бывшими его потом разберусь. Так,

Аннабель-Ли! — Роксана прекрасно знает, что меня раздражает мое полное имя, и все равно специально зовет так, чтобы привлечь внимание. — Пока я тасую карты, сосредоточься и думай о парнях. Только не о Голицыне! ОН МОЙ!

— А вы точно таролог? — усмехаюсь я.

— Он джентльмен... — продолжает перечислять мнимые заслуги Голицына.

Да уж, джентльмен, который проявляет уважение только к тем юбкам, под которые хочет залезть. И то, пока не добьется желаемого.

— ...прыгающий из койки в койку, — договариваю за подругу. В женском туалете я много слышала о его похождениях. — И он не твой, потому что ты достойна гораздо большего.

— Он просто еще не встретил ту самую, — защищает его Оксана.

— И это, конечно, будешь ты? Так вы вроде бы встречаетесь через день на работе. Как он до сих пор не понял, что ты та самая единственная?

— Если ты будешь болтать, карты предскажут твой скорый и мучительный провал на экзамене. — Она угрожает мне тем, что действительно может напугать. Бр-р. Не сдать зачет для меня хуже прилюдного отказа того же Голицына, если судить жизненными приоритетами Оксаны. — Так, готова?

Я смотрю в ее темно-карие глаза и почти верю в то, что она делает, хотя отношусь к астрологии, нумерологии, тарологии — или как ее там — очень скептически. Но уж слишком профессионально Плотнокова сверлит взглядом рубашки карт.

— Итак, что же у нас грядет... — Оксана переворачивает одну и складывает губы трубочкой. — Хм. Прекрасный незнакомец. — Она задумчиво склоняет голову вбок, а потом выдает как-то по-особенному торжественно: — Которого ты, между прочим, знаешь!

— Значит, знакомый незнакомец? — уточняет недоверчиво, но подруга не считывает мой сарказм и продолжает раскладывать карты.

— И тайная страсть. Вау! Это очень крутая карта! — произносит она почти что с завистью.

— С незнакомцем?

Меня даже слегка забавляет ее вера в разноцветные картонки.

— Нет. С обольстителем.

— Как мило, — тру я лоб и выдыхаю. — Какой-то ходячий оксюморон и страсть с обольстителем. М-м-м. Это так на меня похоже. Ну и где там мой мистер Грей?

— Предательство, — шепчет поперек моих слов самопровозглашенная гадалка и во все глаза глядит на третью карту.

— Кто это меня собрался предавать? Обольститель? Незнакомец? Или...

— Ты! Ты предашь очень близкого тебе человека. В глазах Оксаны вдруг отражается такой ужас, что я вырываю карты из ее рук и прячу за спиной, чтобы подруга не смогла дотянуться до них.

— Все, хватит. Сеанс окончен.

— Эй, этих карт нельзя касаться! Они будут врать!

— Вот они и врут, нечего было их лапать!

Оксана тянется ко мне, но я резко вскакиваю с кровати и кидаю колоду на стол. Пара карт вылетает

и падает на пол, но я на них не смотрю — даже знать не хочу, что там.

— Вот! Вот видишь! Тайная страсть и предательство! Я же говорила! Я говорила! — указывает она на перевернувшиеся карты, но, как по мне, это полный бред. Ей бы «Натальную карту» вести! Такую соведущую этот Гусев (или как там его) потерял!

— Если мы будем трепаться, а не работать... то есть смотреть фильм, то я пошла заниматься, — упершись бедром в стол и скрестив руки на груди, говорю уже спокойнее, чтобы не раздуть спор.

— У тебя язык от этих самых занятий заплетается. Не хочу фильм, — психует подруга.

Она явно дуется на меня. Как всегда. Обычно я выжидаю минут пять, и мы возвращаемся к тому, чем собирались заняться, но если она сейчас скажет еще хоть слово о Нике или знакомых незнакомцах... Я уйду к бабушке есть жареную картошку (они с дедом живут в соседнем доме) и оставлю Оксану наедине с ее картами. Я люблю подругу, но разговоры про мою судьбу и эфемерных парней, которые мне почему-то обязательно нужны, будто без них никакой жизни нет, уже сводят меня с ума. Как и ее тайная влюбленность в Ника. Настолько тайная, что о ней знают все. Он скоро начнет сниться и мне, если Оксана не перестанет о нем болтать.

Помимо встреч в университете, они с Голицыным работают в тату-салоне, и Плотникова сама видит, сколько девчонок постоянно трется рядом с ним. Да к нему вечно очередь стоит из наших одногруппниц (разве что только я не набила себе у него ласточку или перышко). Не могу смотреть на то,

как она столько времени страдает из-за какого-то... донжуана (идиота). Даже если он ее заметит, сколько продлится их роман? Он точно разобьет ей сердце. Хотя, может, так и надо? Может, это будет чем-то вроде боевого крещения Голицыным, после которого к ней наконец вернуться мозги?

Проходит три с половиной минуты, судя по настенным часам над рабочим столом, когда Оксана встает с кровати и идет к моей мотивационной доске — тоже, кстати, ее идея. Она пришла в прошлую пятницу с огромным художественным планшетом метр на метр, канцелярскими кнопками и маркерами. И бутылкой просекко, из которой я выпила лишь два глотка, но не суть. Было весело. Мы повесили доску на стену и прикрепили туда вырезки из журналов. Теперь там красуются гляцевые люди, на которых я хочу равняться в профессиональном плане, здания, которые мечтаю построить, и студии, в которых с удовольствием поработала бы. А по центру очень крупно и красивым почерком Роксаны написано: «Аполло Арт», и все стрелочки на доске визуализации указывают именно сюда.

Почему? Там работает один из трех архитекторов, которых я считаю лучшими в своем деле. «Аполло Арт» построили, на мой скромный взгляд, самое красивое здание в стране — культурное пространство «Кристалл». И именно в «Аполло Арт» у меня есть реальная возможность попасть на практику, потому что два других бюро находятся за тысячи километров от нас.

— А он красавчик, — экспертно заявляет Оксана, глядя на Андрея Аполлонова, руководителя и ведущего архитектора «Аполло Арт».

И что это значит? Только то, что пять минут обид на меня прошли и мы с ней снова разговариваем.

— Он профессионал. — Я очень стараюсь говорить безразлично, потому что тяжело не соглашаться с Роксаной и перестать разглядывать его.

Приходится напоминать себе в который раз с прошлой пятницы, что Аполлонов прежде всего крутой архитектор. И меня в первую очередь интересуют его *профессиональные* достижения, а не татуировки на накачанном теле, о которых на парах, что он ведет у нас последние полгода, без конца болтают одноклассники. Не хочу уподобляться им. Тем более учитывая его звездный статус в архитектурных кругах и запредельную недостижимость.

Вот поэтому у меня и нет парня. Потому что мне не нужны простые смертные, я мыслю другими масштабами.

— О, у него татухи под рубашкой, видела? — пицтит Роксана. — Почему я раньше не замечала...

Потому что она вечно прогуливает универ и не слышала бурные обсуждения бицепсов Аполлонова, проглядывающих через рубашку. А я, конечно, видела. Это же я его вырезала из архитектурного журнала по приказу моего личного таролога. Я там все, что могла, рассмотрела, сидя с маникюрными ножничками.

— Он женат?

— Понятия не имею, — отвечаю я, а сама, чтобы не думать о гипотетических женщинах Аполлонова, размышляю о том, успею ли сдать историю искусств на три дня раньше срока, чтобы расслабиться и сосредоточиться на курсовой. Ну в принципе, если

сегодня Оксана быстро уснет и я накидаю первые десять пунктов таблицы, останется...

— Эй! Ты опять ушла в себя?

— Нет-нет, я слушаю.

Где бы взять сонную пыль, чтобы усыпить Оксану и не терять времени зря?

— Может, поедем на вечеринку к Нику? — внезапно предлагает подруга, уткнувшись в телефон.

— Я — пас.

— Голицын только что выложил пост, где зовет всех...

— У нас же кинопятница!

— Ладно, — сдастся подруга.

Она стонет и находит под пледом на кровати пульт от приставки, чтобы включить первый попавшийся в новинках фильм, заранее зная, что уснет меньше чем за час, а я пойду клеить макет, потому что мне скучно ничего не делать руками. Почему, если есть возможность, не делать макет? Вот только Оксана не позволит мне это сделать, пока не спит, так что нужно просто пострадать от безделья минут сорок, а может, и меньше.

— Ты же лежишь и ждешь, пока я усну, чтобы достать клей? — спустя минут десять раздается ее голос из полумрака.

— Да, — признаюсь я.

— Ты неисправима.

Я знаю. И в уравнение моей подчиненной контролю и расписанию жизни однозначно вписывается ровно ноль ее спутников. Ну уж точно не два, как кое-кто мне нагадал.

